

УКРАИНА У КРАЯ?

Как мировой кризис может отразиться на стране перманентного кризиса

Олег Кильдюшов

«Отродясь такого не видали, и вот опять».

Виктор Черномырдин,
экс-посол РФ на Украине

«[Советский] Союз знал, как сделать из Украины Родину. А вот Украина без Союза так и не смогла ею остаться».

Михаил Елизаров,
роман «Библиотекарь»

Каждый день мы слышим о «триумфальном шествии» по планете финансового кризиса, ставшего настоящим шоком для многих стран, отраслей и поколений, привыкших за время prosperity к безграничному росту благосостояния, доходов и ожиданий дальнейшего роста. Психологически этот «идеальный шторм» (В. Путин) будет особенно тяжело пережить обитателям т.н. «зо-

лотого миллиарда», поскольку многие из них позволили убедить себя в том, что Запад поймал бога за бороду: еще вчера их лидеры всерьез поучали весь мир, воспевая собственные экономические порядки, политические режимы и культурные модели как «единственно разумные», «прогрессивные» и т.п. Стоит ли говорить, что после краха дискурсивных и институциональных достижений

эпохи «Вашингтонского консенсуса» этим несостоявшимся учителям жизни самим во многом предстоит заново учиться ходить.

Кризис кризису рознь

Как известно, кризисом на Украине никого не удивишь, поскольку он здесь давно приобрел институциональные формы: в силу ряда структурных причин «демократия по-киевски» является перманентным хаосом, неустрашимым никакими выборами и «политреформами». При этом или, вернее, несмотря на это все последние годы украинская экономика, — если верить официальной статистике, — росла темпами, вполне соизмеримыми с российскими, — 7,2% (2007). На этом парадоксе, противоречащем интуициям здравого смысла («нет устойчивого порядка — нет экономического роста»), и базируется довольно распространенное мнение о том, что экономика Украины имеет неплохие шансы благополучно пережить нынешние потрясения мирового хозяйства и общества. Оно часто звучит в устах известных на Украине экспертов и политологов и имеет различные формулировки, однако в целом сводится к набору чуть ли не прописных истин: «Украина состоялась как самостоятельное государство и худо-бедно выживает», «Украинская экономика уже вписалась в мировое хозяйство» и, наконец, «хуже, чем в 90-е годы, все равно не будет». Несмотря на своеобразный оптимизм подобных аксиом (особенно последней), есть немало оснований усомниться в их непреложности. Дело в том, что ряд параметров самого институционального кризиса глобального капитализма указывает на проблематичность подобного рода экстраполяции:

структурный ландшафт «нового мира» может настолько измениться, что в нем просто не окажется функционального места для территориально-политических структур вроде Украины, обладающих многими признаками несостоявшихся государств (внутренняя дезинтеграция и др.). Впрочем, судя по всему, она может быть не одинока в списке failed states, разделив эту печальную

участь со многими другими «несуверенными демократиями». Речь идет о (псевдо)государственных образованиях, например, в той же Восточной Европе, возникших и имевших хоть какой-то смысл лишь в рамках конкретной исторической и геополитической ситуации конца 80-х — начала 90-х годов. Именно эти исторически уникальные и контингентные обстоятельства придали странам-лимитрофам несоразмерную значимость как в глазах их собственных элит, так и в глазах Запада. В случае пересмотра со стороны global players — все больше занятых собственным спасением — явно спекулятивного курса геополитических акций проектов вроде ряда государств Прибалтики, Кавказа и Балкан, будущее последних в долгосрочной перспективе может оказаться под большим вопросом ввиду отсутствия у них каких бы то ни было стратегических ресурсов для существования в качестве самостоятельных политических сообществ.

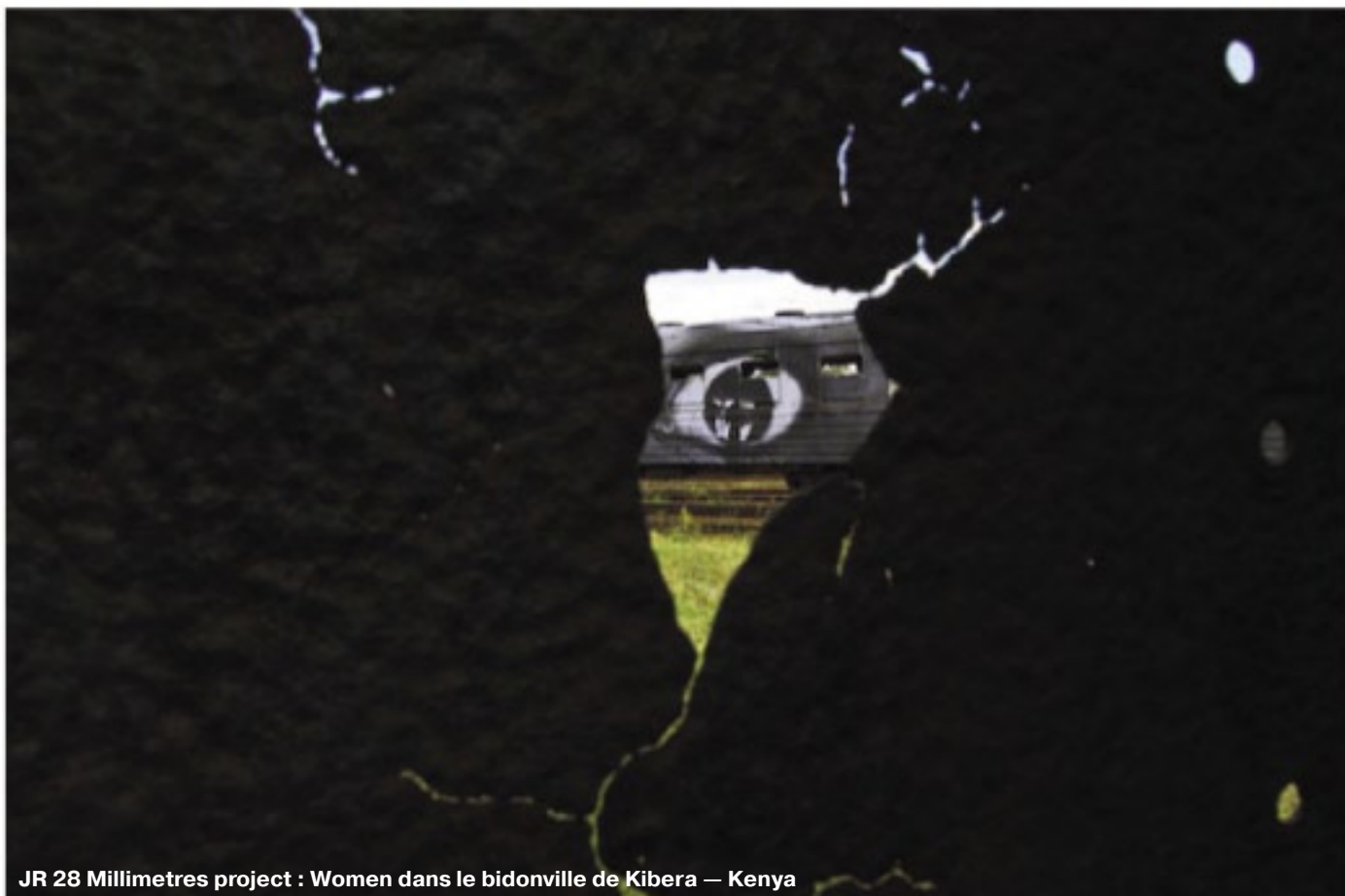
В этом смысле для проявления онтологического статуса проекта «незалежна Украина» будет весьма кстати вспомнить важное гегелевское различие реальности и действительности: так, может реально существовать некое образование (с собственным флагом, гербом и т.п.), но все это, говоря словами Гегеля, «преходящее наличное бытие, внешняя случайность, мнение, лишенное сущности явление, не-истина, заблуждение», — если причина этого существования находится вне его самого. Ведь правом быть, т.е. действительностью обладает только то, что «обладает ею таким образом, что само сообщает ее себе». Поэтому «не все, что существует, действительно», поскольку «действительность есть только единство внутреннего и внешнего». Это не просто наличие чего-либо, это единство сущности и существования, то есть такое существование, которое обладает свойством необходимости (структурной обусловленности). В этом и заключается смысл знаменитого «что действительно, то разумно». А то, что недействительно, вполне может принимать формы, столь распространенные на территории, мифическая «независимость» которой является идеологической компенсацией структурной

зависимости от действительных центров силы — Москвы, контролирующей важнейшие рынки (в т.ч. культурных смыслов), Вашингтона с его геополитической «биржей» и Брюсселя с его визионерской «лавкой торговли будущим».

Понимать происходящее на Украине следует исходя из тех рамочных условий, в которых ее элита ведет борьбу за власть/собственность: важны не лозунги обитателей украинского «политкума», а сама структурная рамка, в которой вынуждены действовать группы киевских культур-предпринимателей. Поэтому, какая бы партия ни побеждала на очередных внеочередных выборах, какие бы изменения ни вносились в украинскую конституцию, никто и ничто не сможет в принципе изменить саму дилемму конструирования виртуальной по сути реальности под названием «Украина как независимое государство». Сомнительный выбор между конкретными персонажами — утратившим связь с реальностью В. Ющенко, утратившим лидерские качества В. Януковичем или принципиальной оппортунисткой Ю. Тимошенко — все это может повлиять лишь на степень вменяемости номинальных лидеров, на уровень хаоса в 'политкуме', но никак не разрешить эти базовые, структурные проблемы самого украинского проекта.

Тонуший Запад в роли спасателя?

Несколько лет назад политолог А. Окара высказал примечательную сегодня для нас мысль: «Похоже, при отсутствии серьезных внешних вызовов Украина-как-страна вполне может просуществовать без Украины-как-государства». Однако история распорядилась иначе: новые экзистенциальные вызовы оказались вопросом не столь отдаленного времени, как думалось многим аналитикам. Впрочем, это касается не только Украины, но и многих других квазисубъектов эпохи «конца истории», широко разрекламированного теоретиками «Вашингтонского консенсуса» вроде «провидца» Ф. Фукуямы. Мировой кризис может только усугубить структурный

JR 28 Millimetres project : Women dans le bidonville de Kibera — Kenya

JR 28 Millimetres project: Women dans le bidonville de Kibera — Kenya

коллапс проекта «незалежна Украина», дееспособность которого парализована самой его структурой: сегодня украинское государство представляет собой реализованный на практике политико-экономический идеал М.Б. Ходорковского. Этот узаконенный олигархат нуворишей («новобогатко») напоминает всемогущих венецианских патрициев, контролировавших все административные органы города-государства, а подконтрольная олигархам Рада — мало чем отличается от Большого совета Венеции, куда допускались только патриции, обладавшие политическими правами определять «общее дело», *res publica*. Несостоявшееся украинское государство, приватизированное полудюжиной финансово-промышленных групп, по определению не в состоянии осуществлять свою основную функцию: формировать гражданское пространство социальной жизни, определять «всеобщее» в виде разделяемых большинством смыслов, ценностей и целей совместного проекта, создавать устойчивые институты для их реализации.

В случае радикального изменения рамочных условий реализации во многом виртуального проекта «Евроукраина» Украина реальная может оказаться самым большим из этих лопнувших проектов, поскольку уже по своим территориально-демографическим параметрам она просто не вписывается в переполненную коммуналку несколько поблекшего Евросоюза. Министру инос-

транных дел Германии Ф.В. Штайнмайеру совсем не улыбается идея взять на содержание несостоявшихся европейцев: «Если мы скажем “да” Украине, то что мы будем делать с Молдовой или с Грузией? Где все это начнется и где закончится? Сможем ли мы ограничиться Украиной?» Несмотря на такого рода холодный душ из Брюсселя, Киев не прекращает отчаянные попытки «вступить» в тот Запад, которого уже нет и, скорее всего, уже никогда не будет в прежнем блеске силы и самоуверенности. Политические предприниматели Украины, словно не слыша намеков Европы — а скорее, делая вид — продолжают свои старые песни о «евроатлантической интеграции». Забавно, что фиксированность националистов на «незалежности» никак не мешает им стремиться как можно скорее от нее избавиться: на словах «самостийники» объявляют независимость абсолютной ценностью, но при этом пытаются вступить в структуры, серьезно ограничивающие национальный суверенитет в пользу брюссельской евробюрократии. Однако в условиях (пост)кризисной Европы подобная жертвенность вряд ли понадобится очередным кандидатам в европейцы. Ведь «новые европейцы» — усилиями своих «титанов мысли» и «отцов молодых демократий» типа братьев Качиньских — наглядно продемонстрировали Старой Европе необходимость внимательно смотреть, кого она принимает в свои ряды- и с кем ей в итоге приходится иметь дело.

Дискурсивный тупик

Все эти процессы сопровождаются идеологической борьбой, которая не только давно превратилась на Украине в настоящий *Kulturkampf* со всем русским и советским, но и завела страну в концептуальный и морально-ценностный тупик в виде «националистической пирамиды». Именно так публицист О. Бузина охарактеризовал «гуманитарную политику» молодого государства, отмечая при этом, что это не просто кризис режима Ющенко или «оранжевых»: «Это кризис всего украинского национализма, оказавшегося на поверку еще одной пирамидой. С 1991 года правящая клика обещает клиентам этой пирамиды счастливое будущее. Все три президента, сменившиеся за эти годы, отдавали культурную сферу на откуп националистам, уничтожали "советское наследие" и боролись с русским языком, а в результате добились только распространения суржика с "канадским" акцентом. Грамотность падает. По улицам с утра слоняются толпы молодежи с бутылками пива. Безработица растет. Алкоголизм разливается водочным морем. По сути, вся Украина стала депрессивным регионом, начиная с Киева и заканчивая самым глухим селом. А власть, кажется, интересуется только то, как идет украинизация. Иногда создается впечатление, что идеалом для Ющенко и его компании является не живая страна, а кладбище, где все надгробные надписи — на "державній мові"».

Ситуация зашла столь далеко, что, по образному выражению писателя М. Елизарова (кстати, родом с Украины), жертв насильственной украинизации в России может радовать даже буква «ь», которой совсем не осталось в тех краях, где столько лет «свирепствовала незалежність». Речь идет о том, что половина населения оказалась отторгнутой государством «Украина», все более вырождающимся в этнофундаменталистскую диктатуру протонацистского толка. Причем «профессиональных украинцев» во главе с «3-процентным» президентом не заботит то, что, выталкивая значительные слои этнически и культурно русского населения за рамки официальной лубочно-украинской модели, они тем

JR 28 Millimetres project: Women dans le bidonville de Kibera — Kenya

самым разрушают основания и без того хрупкой лояльности граждан к «своему» государству, без которой невозможно существование никакого политического образования в длительной перспективе. Ведь у миллионов людей с украинским паспортом исчезают какие-либо причины для признания проекта «Украина» в качестве онтологического горизонта для себя и своих детей или, говоря гегелевским языком, для «примирения» украинского общества с самим собой, что также вряд ли будет способствовать сохранению «державы Украина» в ее нынешнем виде.

Какую позицию в украинском кризисе может занять РФ

История стремительно ускоряется, и в качестве примера подобного ускорения исторического процесса процитирую свою собственную статью, опубликованную несколь-

ко лет назад: «История не закончилась, и в случае дальнейшего углубления кризиса Евросоюза (спасти который теперь вряд поможет даже исключение Польши) одновременно с ослаблением США (например, вследствие внешнеполитического поражения в регионе Большого Ближнего Востока и Латинской Америки) «суверенная держава Украина» может остаться без всякой политической «крыши». — Трудно было тогда представить, что структурный кризис Запада наступит так быстро, на различных уровнях (институциональном, дискурсивном) и с такой глубиной. — Далее я писал о том, что в таких условиях «только ленивый в России не начнет подумывать о том, как бы завершить этот затянувшийся эксперимент на наших соотечественниках», даже не надеясь услышать от нового президента России новую формулу взаимоотношений с «ближним зарубежьем», посредством которой он ввел

для обозначения процесса геополитического возвращения РФ на территорию исторической России понятие «привилегированные национальные интересы»: «У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми нас традиционно связывают дружеские добросердечные отношения, исторически особенные отношения. Мы будем очень внимательно работать в этих регионах». Правда, несмотря на столь важные геополитические изменения, усиленные мировым кризисом, мы все еще слышим от персонажей типа Дж. Байдена заявления о том, что США не признают никаких зон влияний (кроме своих собственных, разумеется). Между тем среди американской элиты раздаются и более трезвые голоса: так, авторы доклада «Правильное направление политики США в отношении России» советуют Б. Обаме

признать реальность и наконец перестать пытаться игнорировать мнение России...

И хотя политический класс РФ пока не готов предложить интеграционный проект для постсоветского пространства, для российской политики в отношении юго-западной соседки уже сегодня крайне важно различать две сущности: «Украина как враждебное РФ государство» и «Украина как братская России страна». Хотя подобное аналитическое различие трудно реализуемо на практике, оно крайне необходимо для того, чтобы простые жители Украины не почувствовали на себе мер РФ в ответ на недружественные шаги официального Киева и клики В. Ющенко (т.н. «любимые друзья»), которого, кстати, на Украине — с легкой руки В. Путина — часто именуют не иначе как «мазурик». Для сохранения возможности совместного будущего наших народов граждане Украины должны знать, что Москва рассматрива-

ет их как братский народ, волею исторического случая оказавшийся по другую сторону границы. О существовании такой интенции у российской власти лучше всего говорят слова Владимира Путина, сказанные во время последней газовой авантюры «оранжевых»: «Мы исходим из того, что у нас особые исторические отношения с украинским народом. И мы не хотим сделать ему хуже, мы хотим избавить украинский народ от всякого рода проходимцев». Более того, РФ должна активнее работать с группами политически релевантного украинского населения, донося до них ту простую истину, что антироссийский курс означает, по сути, антиукраинскую политику, самоубийственную для слабой и бедной Украины.

Любой преемник Ющенко на посту президента будет вынужден учитывать то обстоятельство, что «вернувшаяся» Россия уже вряд ли смирится с существованием враждебного государства в братской стране. И хотя

пока мало признаков того, что Москва собирается системно заняться ликвидацией антироссийского режима на Украине, в среднесрочной перспективе дилемма для киевского политкласса может свестись к формуле: Украина должна стать (более) дружественным государством, или такого государства может просто не быть. Именно об этом говорил В. Путин, когда просвещал Дж. Буша относительно статуса Украины: «Что такое Украина? Часть ее территорий — это Восточная Европа, а часть, и значительная, подарена нами!», прозрачно намекая на то, что попытки втягивания Украины в недружественные России структуры могут привести к краху украинской государственности, по крайней мере в ее нынешнем виде. Кто не верит, тот может спросить у М. Саакашвили.